


83.3(2-661.2)

1995

Ю. И. ДЮЖЕВ

# ПОСТИЖЕНИЕ ПРАВДЫ



Статьи  
о русской  
литературе  
Севера

ЦГБ Петрозаводск



80165026

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК  
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ  
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ  
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

724-23/11

83,3(2-661,2)  
135

8P2 R

Ю. И. ДЮЖЕВ

# Постижение правды

*Статьи  
о русской литературе  
Севера*

1-18492

Петрозаводск «Карелия»  
1987

Петрозаводская  
ЦБС  
Филиал № 4

14

24

04

## Диалектика преемственности

В данной книге сделана попытка применить методы системного анализа к исследованию русской советской литературы европейского Севера, которая является органической частью советской многонациональной литературы.

Системный анализ литературы представляет собой конкретизацию и развитие принципов, разработанных основоположниками марксизма-ленинизма.

Формулируя теоретические основы диалектического подхода к системам, К. Маркс писал: «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостности образует момент ее, системы, прогресса, ее развития»<sup>1</sup>.

Развивая эстетические идеи Маркса и Энгельса, как и все их учение в целом, Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» с позиций системного анализа разработал ряд основных принципов материалистической гносеологии, а в статьях о Толстом сделал вывод, что искусство может стать по-настоящему великим, если оно отражает важнейшие по своему значению коренные вопросы народной жизни.

Марксистская теория и методология включает в себя принцип системности в качестве одного из важнейших компонентов. На необходимость «системного анализа новейших мировых достижений»<sup>2</sup> указал Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в докладе на июньском (1986 г.) Пленуме Центрального Комитета КПСС.

Ленинское учение о культуре, в котором нашли даль-

---

<sup>1</sup> Маркс К. Критика политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 229.

<sup>2</sup> Правда, 1986, 17 июня.

европейского Севера, раскрывавшая тему революции и Великой Отечественной войны. Художественность и достоверность все больше становились словами-синонимами при оценке литературного произведения. К. Паустовский замечал, что между историком и художником, пишущим о прошлом, нет и не может быть непроходимой пропасти, что они являются не соперниками, а соратниками, дарящими людям такое драгоценное чувство, как чувство истории<sup>1</sup>. Реализм, стремление к постижению правды человека, события, истории объединяли поэтику чисто художественного и документального произведений.

Свойственное авторам книг о революции и Великой Отечественной войне стремление достичь значительных обобщений на документальном материале опиралось на определенную традицию. Известно, что русская литература XI—XVI веков не знала вымышленного героя. «Все действующие лица русских оригинальных произведений действительно жили, а не созданы только художественным воображением,— пишет Д. С. Лихачев.— Черты действительности могли поэтому особенно легко проникать в литературу. Реальные факты биографии способствовали сохранению реальных черт характера и препятствовали полному подчинению изображаемых лиц феодальному идеалу»<sup>2</sup>. Не знала вымышленного героя и «житийная» литература, существовавшая в XII—XVII веках на русском Севере. На основе подлинных фактов возникло знаменитое «Житие протопopa Аввакума» и другие произведения. Подлинность изображаемого была характерна и для многих опубликованных уже после революции книг К. Коничева, А. Линеvского, И. Бражнина и других. Таким образом, литература 1960—1970-х годов подхватила и развила те традиции документально-литературного сочинения, которые ранее завоевали прочные позиции в литературном регионе.

Будучи писателем, чутко отзывавшимся на явления жизни и действительности, Д. Гусаров не мог пройти мимо той «жажды ясности», которой были охвачены широкие слои читателей. Умонастроению их, говорили участники творческой дискуссии в «Иностранной литературе», ближе скепсис по отношению ко всякого рода догмам, нежели согласие следовать за готовыми концепциями. «Дай-

<sup>1</sup> Вопросы литературы, 1965, № 9, с. 58.

<sup>2</sup> Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 60.

те мне точную информацию, а уж вывод я сделаю сам», — таков итог недоверчивости и тяги к научности в наше время»<sup>1</sup>. Современникам XX съезда партии были по сердцу документальные образы, стойко противившиеся лакировке и утешительным оговоркам. При этом было очевидно, что при известных обстоятельствах для читательского восприятия «впечатление документальности важнее ее подлинности»<sup>2</sup>, что читатель готов воспринять и в документальном произведении элементы вымысла, если они помогают исследовать действительные жизненные связи, создать яркие характеры. Работая над книгой «Три повести из жизни Петра Анохина» (1968), Д. Гусаров стремился синтезировать факт и мысль, заставить читателя поверить в авторскую концепцию событий, основанную на точном знании революционной эпохи. Для своего повествования Д. Гусаров отобрал те страницы из жизни героя, в которых с наибольшей отчетливостью отразилось лицо времени. В центре повести «Вызов» — события, связанные с неудавшимся покушением Анохина на жандармского шпиика; в основу второй повести «Вся полнота ответственности» были положены факты послереволюционных лет в Карелии, когда Анохин отстаивал ленинские позиции в ожесточенной борьбе большевиков и эсеров; наконец, третья повесть «Трагедия на Витимском тракте» рассказывала о последних днях жизни Анохина. Выбранные Д. Гусаровым три страницы из жизни героя позволили выявить многогранность характера Анохина, те невидимые, но прочные нити, которые протянулись от восемнадцатилетнего разносчика газет, поднявшего нож на жандармского служаку, до решительного, волевого руководителя олонечких коммунистов. Определяя своеобразие произведения, Даниил Гранин писал, что книга Д. Гусарова «соединяет в себе биографическое повествование, оригинальное по событиям и авторскому почерку историческое исследование и в некотором смысле жанр детектива» и что в целом книга оставляет «покоряющее ощущение полной достоверности»<sup>3</sup>.

Не только для «Трех повестей из жизни Петра Анохина», но и для ряда других произведений писателей-северян

---

<sup>1</sup> Иностранная литература, 1966, № 8, с. 202.

<sup>2</sup> Манн Ю. К спорам о художественном документе. — Новый мир, 1968, № 8, с. 245.

<sup>3</sup> Гранин Д. Предисловие. — В кн.: Гусаров Д. Три повести из жизни Петра Анохина. М., 1970, с. 3—6.

было характерным стремление отойти от исторической информации в сторону раскрытия всей сложности человеческих конфликтов, постижения истины средствами искусства. Литераторы разных поколений, и те, кому довелось участвовать в боях гражданской войны, и те, кто лишь на основании документов, воспоминаний очевидцев, узнавал о событиях революции, стремились к достоверному изложению событий прошлого.

«Для того чтобы достичь значительных образных обобщений на документальном материале,— писал М. Б. Храпченко,— помимо таланта автора (что, разумеется, составляет главную предпосылку успеха), необходимо отобрать такие факты и события, изображать таких реальных людей, которые сами по себе обладают рельефными типическими чертами, свойствами. Выявление этих свойств (что тоже далеко не простое и легкое занятие), раскрытие их в «своей» эмоционально-идейной тональности, а также в определенной исторической перспективе и представляет собой действенный путь создания выразительных художественных обобщений»<sup>1</sup>.

Характерные особенности документального искусства, подмеченные М. Б. Храпченко и связанные с обрисовкой реальных событий, фактов, использованием документов, все активнее проникали и в беллетристику. Авторы произведений о революционных событиях на Севере с целью оказать идейное, эмоциональное воздействие на читателей выбирали форму автобиографического повествования, «дневника», «исповеди», подчеркивали подлинность изображаемых ими событий. Правдивость и достоверность повести Ф. Трофимова «Над нами наши звезды» (1962) сообщала та исповедальная интонация, которая свойственна книгам автобиографического плана. Действие повести развертывалось в родном автору прионежском селе Деревянное, в годы его детства и юности. Автор предупреждал читателя, что он «написал лишь о том, участником чего был сам». Память детства помогла Ф. Трофимову воссоздать живой колорит деревенской жизни двадцатых годов не только с документальной точностью, но и с глубоким лиризмом. Читатель может проследить примерно тринадцать лет жизни героя, с февраля 1918 года по август 1931 года. «В разных этапах жизни повествователя, не только деревенского парня, но и студента, и журналиста,— писал А. Хайлов,— сказывается трофимовская осо-

---

<sup>1</sup> Храпченко М. Б. Собр. соч.: В 4-х т. М., 1982, т. 4, с. 464.

бенность решения задачи: передать не историю, а движенье времени, сам «запах» эпохи, преломившийся в людях маленького села»<sup>1</sup>.

Социальный анализ через конкретно-историческое раскрытие времени является сильной стороной завершеного в шестидесятые годы романа А. Линевского «Беломорье». Много сил было вложено писателем в работу над второй книгой романа, где описываются события гражданской войны на Севере. Работая в архиве над материалами, которые бы помогли ему воссоздать образ боевого командира Красной Армии И. Д. Спиридонова, писатель обнаружил стенографические записи воспоминаний бойцов отряда, сделанные в 1934 году в Ленинградском институте истории КПСС. В результате и образ И. Д. Спиридонова, и действия его полка, который остановил врага возле станции Кяппесельга и был за боевые заслуги награжден Красным знаменем ВЦИК, обрели необходимую конкретность, живые краски. В «Беломорье» прозаик сумел раскрыть жизнь народную, создать определенные общественные типы людей. Автор романа убедительно показал притягательную силу революции для северянина — землешца и рыбака, свободолюбца по складу характера, человека гордого и мужественного, до всего стремящегося дойти «своим умом».

Близкую к документальной манеру изображения национальных традиций и привычек избрал в своем романе «Борозда» (1968) карельский прозаик Э. Кононов. События, о которых он рассказал, действительно происходили в Карелии, а каждый герой имел прототип среди родных и близких прозаика. В описании трудного перелома в поведении крестьянина-середняка Э. Кононов использовал богатейший опыт русской советской прозы, правдиво писал о специфических особенностях этого процесса в условиях глухой карельской деревушки. На совещании писателей Севера в Архангельске в октябре 1970 года в докладе С. Залыгина роман Э. Кононова «Борозда» справедливо назывался в числе интересных прозаических произведений, отмечались удача в раскрытии образа Антона Туруева, меткие детали в картинах быта и жизни северной деревни. Те новые пласты жизни, что были открыты Э. Кононовым на страницах романа, еще раз доказывали плодотворность поиска писателей-северян, убежденных, что «истинная реалистическая литература, при всей обще-

<sup>1</sup> Хайлов А. Движение к своему слову.— На рубеже, 1962, № 4, с. 107.



человечности ее значения, в то же время сильна своей конкретностью — конкретностью характеров, эпохи, авторского восприятия жизни и, конечно — места действия»<sup>1</sup>.

Многоликая, разнообразная жизнь северной деревни на протяжении многих десятилетий была правдиво изображена в опубликованных в 1979 году в Москве романах архангельских прозаиков Н. Жернакова «Краснотал» и Е. Богданова «Поморы». Рассказывая о революционном преобразовании края, писатели стремились отразить приметы времени, воссоздать в живых картинах процесс воспитания крестьянства как строителя социалистического общества. Если в «Краснотале» действие начинается до революции и заканчивается событиями второй военной весны, то в «Поморах» оно охватывает примерно четверть века, с конца двадцатых годов до первой послевоенной путины. Оба романа отличаются особым вниманием к колориту деревенской жизни на Севере, будь то описание раскинувшегося на берегу Северной Двины села землелашцев Горелый Бор (у Н. Жернакова) или поморской деревушки Унда (у Н. Богданова). В границах этих деревень в основном и локализовано действие.

Воссоздавая в живых характерах и картинах историю советской деревни, Н. Жернаков в центр романа ставит историю трех крестьянских семей — богатея Кочергина, середняка Лыткина и бедняка Рябова. По-разному складываются судьбы героев. Сын батрака Илья Рябов уходит из родного села и за действия, «равнозначные бунту против существующего строя», попадает в Нерчинский острог. Здесь деревенский парнишка узнает о жизни и деятельности Ленина, постигает революционную науку, чтобы спустя годы вернуться в родные края комиссаром Красной Армии. Его противником в гражданскую войну оказывается сын богатея Дрон Кочергин. Горькую чашу испытаний доведется испытать насильно разлученной с Ильей Устинке Лыткиной... Рассказывая о революционном преобразовании края, Н. Жернаков проводит своих героев через гражданскую войну на Севере, делает их участниками боев на Северной Двине. Пристальное внимание писателя привлекает период коллективизации. Затем Н. Жернаков повествует о времени становления и укрепления экономики северных колхозов, когда земля стала щедро одаривать горелоборцев. Подобно шолоховскому Кондрату

---

<sup>1</sup> Гусаров Д. Наш межобластной.— Ленинская правда, Петрозаводск, 1966, 30 ноября.

Майданникову, герои Н. Жернакова выходят с зарей на колхозные поля, болеют за каждый оброненный колосок. В глазах Н. Жернакова ценность человеческих качеств во многом определяется отношением к земле-кормилице.

На процессе быстрого и массового «вживания» поморов в коллективную жизнь заострено внимание автора романа «Поморы» Е. Богданова. Он показывает, что не последнюю роль в этом деле сыграла давняя привычка поморов все делать сообща: вместе карбасы шить, избы строить, обживать пустынные места, промыслять в море,— словом, «артельность у помора в крови». Герой романа охотник Родион Мальгин в детстве остался без отца-кормильца и был вынужден с малых лет искать заработка. Прозаик подробно рассказывает о жизненных университетах Родиона, о том, как он встречает свою суженую Густю, становится активным участником коллективизации в Поморье. Основное внимание Е. Богданов уделяет трудовым будням поморов, радостям и горестям их семейной жизни. История одинокой, сильной и гордой поморки Феклы, которая нашла свое счастье в коллективе, прослежена Е. Богдановым с психологической убедительностью.

Органичное соединение художественного и аналитического начала, активное совершенствование изобразительных возможностей характерно и для произведений о революционном прошлом Карелии, созданных на финском языке в 1960—1970-е годы. Главным произведением карельского прозаика Н. Якколы (1905—1967) стало историческое повествование «Водораздел», в котором писатель показал жизнь северной карельской деревни, пробуждение революционного сознания крестьянства, его участие в борьбе за советскую власть. В своем романе «Мы карелы» (1971), посвященном событиям гражданской войны и белофинской интервенции в северной Карелии, А. Тимонен прослеживает, как в ходе общественного развития изменяется патриархально-крестьянское сознание, рисует развернутые картины революционной действительности. Творчество пишущего на финском языке А. М. Степанова самым тесным образом связано с народной жизнью и устно-поэтическим наследием родного края; оно знаменует переход карельского народа от многовековой устно-поэтической культуры к художественной литературе. Начав свой путь в литературе с рассказов и повестей, А. Степанов в конце 1960-х годов приступил к созданию серии романов из народной жизни северной Карелии. Первый из них — «Родичи» — был опубликован в 1969 году.

За ним последовали романы «Яакко Саку — человек из народа», «Жаркое лето», «Вдовы». В этой серии романов А. Степанов стремится пройти со своими героями через все основные этапы в жизни послеоктябрьской карельской деревни, с особенным вниманием исследуя события коллективизации, а также военные и послевоенные годы. В романе «Руокоранта — тростниковый берег» (1978) Я. Ругоев многие строки посвящает прекрасной карельской природе, исследует национальные и исторические корни карельского народа, утверждает патриотизм и братство большой многонациональной семьи советских людей.

Органичное соединение художественного и аналитического начала, активное совершенствование изобразительных возможностей было характерно и для прозы о Великой Отечественной войне, которая в 1960—1970-е годы продолжала оставаться в центре читательского внимания. На европейском Севере авторами наиболее значительных и талантливых произведений о войне по-прежнему были писатели-фронтовики. Направленный интерес к диалектике солдатского характера соединялся в военной прозе 1960—1970-х годов с точным отбором фактов; представление о многослойности героического действия возникало из творческого осмысления материала войны. Писатели сочетали общий план с детальной проработкой боевой ситуации, возвышенное описание подвига с исповедальным раскрытием человеческой души. Общее поступательное движение прозы европейского Севера, стремившейся к более углубленному осмыслению истории, отражало веление времени, находилось в русле напряженного нравственного поиска, который вела многонациональная советская литература.

В произведениях о войне, опубликованных в 1960—1970-е годы, заметно углубление этической проблематики, стремление с высоты лет осмыслить судьбу фронтового поколения. С настоящей образной силой, говоря «правду без утайки», северяне исследовали нелегко сложившиеся человеческие судьбы, все более глубоко постигали военную действительность в разных аспектах, стремились донести во всей сложности и противоречивости до читателя правду истории, чувство гордости за пройденный страной путь побед и свершений.

✓ Примером творческой нацеленности русских писателей европейского Севера на решение все более сложных задач может быть возвращение Д. Гусарова к материалу партизанских рейдов в Карелии в романе «Цена челове-

ку» (1963). В «четырёх рассказах о войне», что через равные промежутки времени прерывают повествование о выпускнике лесной академии Викторе Курганове, в годы войны в семнадцать лет зачисленного в партизанский отряд минером-подрывником, Д. Гусаров искусным образом увязывает прошлое с заботами сегодняшнего дня, убеждая в том, что жизнь «на миру» требует повседневного мужества, готовности противостоять злу, делом доказать свою истинную цену. Назревавший уже в партизанском отряде конфликт между Орлиевым и Кургановым набирает силу в мирные дни. Властность и подозрительность командира партизанского отряда Орлиева отличают его и в должности начальника лесопункта. Доброта и человечность, за которые любили Курганова в отряде, вызывают симпатии рабочих, когда он становится техноруком лесопункта. Как это и бывает в жизни, нравственная победа — на стороне Виктора, которого поддерживают многие хорошие люди. Это «ощущение радости, которая поднимает человека на жизнь, на подвиг, на смерть», чрезвычайно дорого герою романа, повидавшему много смертей за войну, но вышедшему из нее еще более убежденным во всемогущей силе добра и справедливости.

Роман Д. Гусарова «Цена человеку», повесть Н. Жернакова «Родимое пятно» (1969), рассказы В. Соловьева, Е. Богданова, Н. Угловского и других ветеранов войны дороги запечатленной в них памятью сердца. Они помогают удержать в читательском сознании, сохранить для истории все душевное богатство тех, кому сегодняшнее поколение обязано жизнью.

Серьезным осмыслением нравственных уроков войны отличались основанные на документах повести «Летний поход» П. Борискова и «Операция в зоне «вакуум» О. Тихонова. Выступая на заседании комиссии Союза писателей РСФСР по военно-художественной литературе, состоявшейся в Петрозаводске в августе 1978 года, Д. Гусаров говорил, что эстетический уровень документалистики настолько приблизился к литературе свободного вымысла, что документальный жанр приобрел в глазах читателя, еще помнящего войну по собственному опыту, неоспоримое преимущество.

✓ Когда после завершения книги о Петре Анохине Д. Гусаров углубился в изучение материалов о походе партизанской бригады Григорьева в тыл врага летом 1942 года, он пришел к твердому убеждению — в новом романе свести вымысел до минимума. Писатель чувствовал.

себя в долгу перед теми бойцами и командирами, которые погибли в боях, пропали без вести, умерли от ран и голода. Еще в годы войны из уст немногих оставшихся в живых участников похода Д. Гусаров узнал о трагических обстоятельствах партизанского рейда. Писателю легко было представить себя на месте своих героев. За два года, пока Д. Гусаров был в отряде «Боевые друзья», ему довелось двенадцать раз ходить в тыл противника, в разведку.

Во время работы над романом «За чертой милосердия» (1976) Д. Гусаров внимательно следил за публикациями в финской печати, и мимо его внимания не прошла книга финского писателя П. Тикканена «Гибель партизанской бригады» (1973), посвященная тем же событиям. Упомянув ее в своем романе, Д. Гусаров воздает должное той тщательности, с которой П. Тикканен прослеживает развитие этой операции с финской стороны. Но поскольку П. Тикканен, говорит Д. Гусаров, опирался на документы лишь финских военных архивов, то цифровые данные о потерях в его книге весьма неточны. Вступая в полемику с финскими исследователями, Д. Гусаров цитирует сообщения ставки главного командования финской армии и показывает, как тщательно скрывался тот факт, что в действие было введено с финской стороны более трех тысяч солдат и офицеров, входивших в стратегический резерв командования на Масельгском направлении. Карельские партизаны своим мужеством, выносливостью и неожиданностью маневра не раз приводили в замешательство противника, имевшего огромное превосходство и в численности, и в вооружении.

Когда в 1980 году роман Д. Гусарова был опубликован в Финляндии под названием «Глухомань не знает пощады», то в многочисленных откликах финской печати подчеркивалась большая исследовательская работа, которую проделал автор. Участник боя с бригадой Григорьева у Елмозера Аксели Оллила писал на страницах газеты «Кескипохъянмаа» 15 декабря 1980 года, что «роман заслуживает наивысшей оценки из числа произведений, появившихся до сих пор...» Другой финский рецензент Ярмо Туоминен в опубликованном газетой «Валкеакоскен саномат» 10 декабря 1980 года отзыве высоко оценил стремление Д. Гусарова к максимальному реализму и объективности, назвал роман значительным произведением о войне.

Отраден уже сам факт, что финские читатели и крити-

ки признали «неподкупный реализм» советского писателя в освещении рейда партизанской бригады и заодно отметили ограниченность точки зрения его оппонента П. Тикканена. Но прав советский рецензент романа Ю. Андреев, когда, говоря о несхожести идейных позиций финского и советского писателей, отмечает существование еще одного водораздела, который разграничивает поэтику документализма в этих книгах. Если П. Тикканен, пишет Ю. Андреев, видел свою главную задачу в протоколировании событий и дотошном описании в своей книге расположения отрядов советских партизан и их преследователей, боев и маневров, то у Д. Гусарова это действительно роман-хроника, то есть произведение, основанное на хроникально-последовательном изображении событий. И вместе с тем это роман, так как живой движущей силой произведения является интерес к внутреннему миру людей, оказавшихся в этих необыкновенной сложности условиях. Силу Д. Гусарова как писателя-документалиста Ю. Андреев видит в умении в полном соответствии со спецификой искусства извлекать из документа его человеческое содержание, его общинтересную проблематику. В итоге поэтика романа-хроники «За чертой милосердия» оказывается поэтикой художественного реалистического произведения, обстоятельства и перипетии которого жестко определены рамками тех событий, которые происходили в действительности. Для автора романа главным становится не протоколирование событий, а воссоздание, раскрытие типических и вместе с тем индивидуализированных человеческих характеров. С этой точки зрения роман «За чертой милосердия» назван Ю. Андреевым книгой «концепционной и представительной не только для творчества Дмитрия Гусарова, но и вообще для современного состояния художественной документалистики»<sup>1</sup>.

Герои романа Д. Гусарова, будучи обессилены голодом и усталостью, находясь в кольце карателей, в сотнях километров от своих, сохраняют в душе человеческое тепло, трогательно заботятся о слабых, живут и действуют по совести. Милосердие и доброта оказываются там, «за чертой милосердия», необходимыми качествами для каждого, кто стремится не просто отстоять жизнь перед сокрушающей силой бесчисленных обстоятельств, но и выполнить свой патриотический долг.

---

<sup>1</sup> Андреев Ю. Эффект достоверности.— Новый мир, 1977, № 10, с. 260—261.

Находкой автора стал образ партизана восемнадцатилетнего Василия Чуткина, в котором писатель хотел выразить свое представление о скромности истинного мужества и героизме. В нем воплотились черты многих бойцов, сражавшихся вместе с Д. Гусаровым. Писатель использовал и дорогие сердцу впечатления партизанской юности. Испытанное литературным героем проверяется опытом личных переживаний писателя. В итоге читатель романа «с достаточной очевидностью и подробностью» получает представление, «в каких жесточайших условиях проявляли эти люди мужество, терпение, стойкость, человеколюбие и каких усилий им все это стоило — и физических, и нравственных», — писал К. Симонов, назвав роман «За чертой милосердия» «большой, хорошей, честной, талантливой работой»<sup>1</sup>.

Верность правде жизни, правде искусства привлекает к военной прозе Д. Гусарова читательские сердца. В этом смысле наглядным является пример живущего в карельском поселке Суккозеро молодого коммуниста шофера Сергея Симоныяна. Он написал Д. Гусарову письмо, в котором сообщил, что после прочтения романа решил отыскать высоту 264,9, где партизаны вели тяжелый бой с противником. В июне 1980 года Сергей вместе со школьниками из Суккозера совершил несколько походов в район партизанских боев и обнаружил останки погибших, котелки, питание для рации, выложенные камнями ячейки для стрельбы. Он развернул настоящую поисковую работу, с помощью комсомольцев создал в клубе маленький партизанский музей, с юными следопытами прошел по маршруту бригады от высоты 264,9 до реки Сидра, отыскал и вынес многих погибших партизан. Теперь они торжественно перезахоронены в центре поселка. Пример суккозерских комсомольцев показывает, что благодарная память потомков не знает срока давности. И это лучшая награда тем, кто своим мужеством и ценой жизни отстаивал в годы войны честь и независимость Родины.

Роман «За чертой милосердия» (1976) и повесть «Партизанская музыка» (1982) Д. Гусарова, повести «Трое во ржи» (1974) Н. Жернакова, «На каменистом поле в Педасельге» (1977) Ф. Трофимова, рассказы и стихи писателей-фронтовиков поднимали такие проблемы, которые имели прямое отношение к ускорению и углубле-

---

<sup>1</sup> Симонов К. Письма товарищам.— Дружба народов, 1977, № 10, с. 264.

нию духовного и нравственного роста человека. Военная тема проецировалась на современность, когда писатель и его герои остро ощущали связь времен. Стремление к масштабности изображения сопрягалось с обжигающим сердце самовыражением, с обостренным ощущением нравственной ответственности за все происходящее на земле. События революции и Великой Отечественной войны давали богатейший материал для писательских раздумий о положительном содержании народной жизни, о сложных коллизиях эпохи и национальной истории.

При всей специфике опыта и традиций литературного региона европейского Севера, в его развитии в 1960—1970-е годы проявились характерные для всей советской литературы закономерности художественного прогресса, и в том числе отмеченное Г. И. Ломидзе «расширение эпических структурных форм»<sup>1</sup>.

Идейно-эстетическое богатство прозы и поэзии, созданной на европейском Севере, показывает, какие широкие возможности для раскрытия дарований дает метод социалистического реализма. Работая в общем русле советской многонациональной литературы, писатели-северяне восприняли и творчески развили традиции глубинного постижения народного характера, психологически богатого раскрытия человека в его связях с жизнью, которые берут истоки в замечательном севернорусском фольклоре, в гражданских и художественных достоинствах бытовавшей на Севере средневековой русской литературы, в целой галерее ярких национальных характеров, созданных К. Батюшковым, П. Засодимским, Н. Клюевым, А. Чапыгиным, С. Писаховым, Б. Шергиным, А. Тарасовым и многими другими.

Усилиями В. Белова и О. Фокиной, Н. Рубцова и В. Личутина, Ф. Абрамова и С. Викулова, С. Орлова и А. Яшина, Д. Гусарова и Д. Балашова в литературе было утверждено представление о духовной и философской зрелости народа, о глубине и многомерности его исторического пути, передано свойственное народным характерам ощущение нравственной красоты, активного стремления к правде, даны высокие образцы умелого и бережного использования народного языка.

«Русский Север всегда был хранителем замечательных

---

<sup>1</sup> Ломидзе Г. И. Глубокие корни.— Литературная газета, 1978, 9 авг.



традиций»,— пишет Д. С. Лихачев<sup>1</sup>, и эти замечательные традиции в труде, в быту, в искусстве были подхвачены и развиты в творчестве современных писателей. При всем усложнении идейно-художественных функций литературы она сохранила традиционность в глубоком осмыслении народных основ жизни, обеспокоенности будущим Отечества и мира, утверждении в сознании общества передовых гуманистических идей. Традиционная по существу, русская советская литература европейского Севера воплотила новое ощущение мира и человека, проникнутое идеями социализма и гуманизма.

---

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Лики слова.— Литературная газета, 1984, 25 янв.

Юрий Иванович Дюжев

ПОСТИЖЕНИЕ ПРАВДЫ

Статьи о русской литературе Севера

Рецензент В. В. Харчев

Редактор Л. Ю. Минина. Художник Ю. Ф. Гусенков. Художественный редактор Л. Н. Дегтярев. Технический редактор Э. С. Иванова. Корректор В. Н. Григорьева.

ИБ № 1602

Сдано в набор 19.05.87. Подписано в печать 30.07.87. Е-00126. Формат 84×108<sup>1/32</sup>. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 9,87. Уч.-изд. л. 10,53. Тираж 1000 экз. Заказ 1869. Изд. № 76. Цена 50 к.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Дюжев Ю. И.

Д 95 Постижение правды: Статьи о русской литературе Севера.— Петрозаводск: Карелия, 1987.— 183 с.

Книга карельского литературоведа посвящена русской литературе Севера, ее основным идейно-эстетическим тенденциям.

Д 4603010102—073  
М127(03)—87 46—87

83.3



7  
50 к.